

Она

Автор:

[Генри Райдер Хаггард](#)

Она

Генри Райдер Хаггард

Приключения Айеши #1

«Несколько лет тому назад я, издатель этой удивительной, необыкновенной истории приключений, редко выпадающих на долю простых смертных, находился вместе со своим закадычным другом в Кембриджском университете. Однажды я увидел двух джентльменов, которые прогуливались рука об руку по улице, и был поражен их наружностью. Один из них был необыкновенно красивый молодой человек, высокого роста, широкоплечий, с прирожденной грацией в движениях, со спокойным и уверенным видом. У него было прекрасное, безукоризненно правильное лицо, а когда он аил шляпу, увидел какую-то даму, то я обратил внимание, что волосы его вились золотистыми кудрями...»

Генри Райдер Хаггард

Она

Предисловие

Несколько лет тому назад я, издатель этой удивительной, необыкновенной истории приключений, редко выпадающих на долю простых смертных, находился вместе со своим закадычным другом в Кембриджском университете.

Однажды я увидел двух джентльменов, которые прогуливались рука об руку по улице, и был поражен их наружностью. Один из них был необыкновенно красивый молодой человек, высокого роста, широкоплечий, с прирожденной грацией в движениях, со спокойным и уверенным видом. У него было прекрасное, безукоризненно правильное лицо, а когда он снял шляпу, увидев какую-то даму, то я обратил внимание, что волосы его вились золотистыми кудрями.

– Заметил ты этого человека? – спросил я своего друга. – Он похож на ожившую статую Апполона... Какой красавец!

– Да, – ответил мой приятель, – это редкий красавец и милейший человек! Его прозвали «греческим божком». Взгляни на другого! Это опекун и ангел-хранитель. Его называют «Хароном», вероятно, вследствие его отталкивающей внешности, или потому, что он перевез свое опекаемое детище по глубоким и мутным водам экзамена. Правда, точно не знаю.

Я посмотрел на старшего джентльмена и нашел его не менее интересным, чем его красивый спутник. Второму джентльмену можно было дать около 40 лет; он был настолько же безобразен, насколько хорош шедший рядом с ним юноша. Коротенький, хромой, со впалой грудью и несоразмерно длинными руками, он имел темные волосы и маленькие глазки. Лоб его зарос волосами, а бакенбарды начинались чуть ли не от глаз, так что из-под волос почти не видно было лица. В общем, он напомнил мне гориллу, хотя в глазах его и мелькало что-то притягивающее внимание. Помню, я сказал, что очень хотел бы познакомиться с ним.

– Отлично! – ответил мой приятель. – Ничего нет легче! Я знаю Винцея и познакомлю тебя с ним!

Он так и сделал, и через несколько минут мы уже весело болтали о том о сем. В это время мимо нас прошла низенькая леди в сопровождении хорошенькой девушки. Мистер Винцей, очевидно, знакомый с дамами, тотчас же присоединился к ним. Мне стало смешно, когда я заметил, как изменилось при виде дам лицо старшего джентльмена, имя которого, как я узнал, было Холли.

Он вдруг замолчал, бросил укоризненный взгляд на своего спутника и, кивнув мне, повернулся и один двинулся по улице. Потом я узнал, что мистер Холли

боялся женщин так же, как другие боятся бешеных собак. Этим и объяснялось его поспешное отступление. Не могу сказать, чтобы молодой Винцей выказал в данном случае отвращение к дамскому обществу. По натуре он был очень добродушен, не отличался самонадеянностью и себялюбием, как это обычно бывает с красивыми людьми и что делает их неприятными в товарищеском кругу.

В этот день я уехал из Кембриджа и никогда более не видел обоих джентльменов; думал даже, что никогда и не увижу их. Но месяц тому назад я получил письмо и два пакета, один из них с рукописью. Открыв письмо за подписью «Гораций Холли», я прочел следующее:

Кембридж. 1 мая.

Дорогой сэръ!

Вас должно удивить мое письмо, так как знакомство наше было мимолетно. Я должен напомнить вам, что мы встретились несколько лет тому назад здесь, в Кембридже, когда мой ученик м-р Винцей познакомился с вами. Но перейду к делу. Я с большим интересом прочел вашу книгу, где описаны приключения в Центральной Африке. Полагаю, что в ней много правды, но много и фантазии. Ваша книга натолкнула меня на мысль. Из прилагаемой рукописи, которую я посылаю вам, вы увидите, что я и мой приемный сын, м-р Винцей, недавно путешествовали и пережили столь необыкновенное приключение, что, говоря правду, мне неловко и описать его вам из боязни, что вы мне не поверите. Мы оба сначала решили, что, пока живы, не будем публиковать этой истории. Обстоятельства, однако, заставили нас изменить наше решение. Когда вы прочтете рукопись, то догадаетесь, что мы снова отправились в Центральную Азию и, вероятно, не вернемся назад. Относительно удивительного феномена, с которым мы столкнулись, я придерживался своего взгляда, Лео смотрел на дело иначе. После долгих прений мы пошли на компромисс, а именно: решили послать вам рукопись с разрешением напечатать ее, если хотите, но с одним условием: измените наши имена и все, что касается лично нас. Что еще сказать вам? Повторяю, что все написанное в рукописи действительно случилось с нами. Мы очень жалеем, что не собрали больше сведений об этой чудесной, таинственной женщине! Кто была она? Как появилась она в пещерах Кор? Какова ее настоящая религия? Мы не знаем этого и, вероятно, никогда не узнаем! Много подобных вопросов тревожат меня, но к чему они теперь?

Возьмете ли вы на себя труд заняться рукописью? Мы даем вам широкие полномочия, а вашей наградой будет возможность представить миру чудесную историю самого романтического характера. Прочтите рукопись и известите меня.

С почтением, готовый к услугам

Гораций Холли[1 - Согласно желанию автора я изменил имена.]

P.S. «Если вы напечатаете рукопись и результаты будут положительны, мы предоставляем все в ваше распоряжение; если же, в худшем случае, вы понесете убыток, я оставляю на этот счет необходимые инструкции моим нотариусам, гг. Жоффрей и Джордан».

Письмо это очень удивило меня. Но я удивился еще более, прочитав рукопись, и написал об этом мистеру Холли, но через неделю получил письмо от его нотариусов с извещением, что клиенты отправились в Тибет и не оставили адреса.

Это все, что я хотел сказать в предисловии. Пусть читатель сам судит о рассказе, который я преподношу ему с маленькими изменениями. Сначала я был склонен думать, что история этой таинственной женщины, облеченной величием бесконечной жизни, на которую падает тень вечности, подобно мрачному крылу ночи – только красивая аллегория, которой я не умел разгадать. Потом я отбросил эту мысль! По моему мнению, вся история весьма правдоподобна. Пусть читатель сам разбирается в ней. После этого короткого предисловия, я познакомлю читателей с Аэшой и пещерами Кор.

Издатель.

P.S. Когда я прочитал рукопись, одно обстоятельство поразило меня. При ближайшем знакомстве с Лео Винцеом, он оказался малоинтересным и вряд ли обладает достоинствами, способными привлечь такую личность, как Аэша! Быть может, древний Калликрат был только великолепным животным, боготворимым

за свою греческую красоту? Или, может быть, Аэша, в чудной душе которой таилась искра неземного провидения, понимала, что, под влиянием ее жизнеспособности, мудрости, блеска всего ее существа, в сердце человека может распусться, подобно пышному цветку, зародыш величия и мудрости, который засияет, как звезда, и наполнит мир светом и славой?!

I. Посетитель

Бывают события, которые на всю жизнь запечатлеваются в памяти человека, и забыть их невозможно. Двадцать лет тому назад я, Людвиг Гораций Холли, однажды ночью сидел у себя в комнате в Кембридже, занимаясь какой-то математической задачей. Наконец я устал, бросил книгу, прошелся по комнате, взял трубку и закурил ее о свечку, которая стояла на камине. Закуривая, я невольно взглянул в узкое длинное каминное зеркало, увидел свое лицо и задумался. Я стоял, смотрел на себя в зеркало, не замечая, что обжег пальцы.

– Ладно! – произнес я громко. – Надо надеяться, что содержимое моей головы много лучше внешнего вида!

Этим восклицанием я намекал, конечно, на недостатки моей наружности. В двадцать два года люди бывают если не красивы, то одарены свежестью и миловидностью юности. У меня не было даже этого! Маленького роста, худой, с безобразно-впалой грудью, длинными руками, грубыми чертами лица, маленькими, серыми глазами и низким лбом, заросшим черными волосами, я был поразительно некрасив в юности и остался таким до сих пор. Как на Каина, природа наложила на меня клеймо безобразия и в то же время одарила железной силой воли и умом. Я был так безобразен, что щепетильные молодые товарищи мои по колледжу, хотя и гордились моей физической силой и выносливостью, не любили показываться со мной вместе на улице. Что же удивительного, если я сделался угрюмым мизантропом? Что удивительного в том, что я работал и занимался один и не имел друзей? Я был осужден природой на одиночество и должен был искать утешения только на ее материнской груди. Женщины не выносили моего вида. Я слышал, как одна назвала меня «чудовищем», не подозревая, что я слышу ее, и добавила, что наглядно подтверждаю теорию происхождения человека от обезьяны. Правда, один раз в жизни женщина обратила на меня внимание, и я истратил на нее всю нежность,

присущую моей натуре, но когда деньги, имевшиеся у меня, были также истрачены, она исчезла. Я горевал, тосковал о ней, как не тосковал ни об одном человеческом существе, умолял ее вернуться, потому что любил эту женщину. Но вместо ответа она подвела меня к зеркалу и встала рядом со мной.

- Ну, - сказала она, - если я - красота, кто же вы тогда?

Я поник головой. Мне было только 20 лет тогда. Итак, в тот вечер я смотрел на себя в зеркало, находя в этом какое-то угрюмое наслаждение и сознавая свое полное одиночество, так как никогда не знал ни родителей, ни брата, ни сестры.

Вдруг в дверь постучали. Я прислушался, не зная, отворять ли: пробило уже полночь. Но у меня был один друг в колледже, или, вернее, во всем мире. Быть может, это он?

За дверью раздался кашель, и я поспешил отворить. Высокий человек, лет 30, с остатками следов замечательной красоты на лице, поспешно вошел в комнату, сгибаясь под тяжестью массивного железного ящика, который он нес в руках. Поставив ящик на стол, посетитель сильно закашлялся. Он кашлял до тех пор, пока лицо его не стало багровым, упал в кресло и начал кашлять кровью. Я налил в бокал виски и дал ему выпить. Когда он выпил, ему стало немного лучше.

- Зачем вы так долго держали меня на холоде? - спросил он сердито. - Вы знаете, что сквозняки - чистая смерть для меня?

- Я не знал, что это вы! - ответил я. - Вы поздно пришли!

- Да, и думаю, что это мой последний визит к вам! - сказал он со слабой попыткой улыбнуться. - Все кончено, Холли. Я умираю и не знаю, доживу ли до завтра!

- Глупости! - произнес я. - Сейчас схожу за доктором!

Он остановил меня повелительным жестом.

– Правда, мне не надо доктора! Я сам изучал медицину и кое-что понимаю в ней. Никакой доктор не поможет мне. Последний час мой настал! Каким-то чудом я протянул целый год! Выслушайте меня, ради Бога, внимательно; я не в силах повторять своих слов. Два года мы были с вами друзьями, – скажите, что вы знаете обо мне?

– Я знаю, что вы богаты и поступили в колледж в том возрасте, когда обычно покидают его. Знаю, что вы были женаты и ваша жена умерла и что вы стали для меня лучшим и вернейшим другом!

– Знаете ли вы, что у меня есть сын?

– Нет!

– Да, есть, ему 5 лет теперь. Его рождение стоило матери жизни, и я не мог видеть его, Холли! Скажу вам правду, я хочу поручить вам моего сына!

Я подскочил от удивления.

– Мне! – воскликнул я.

– Да, вам! Я достаточно изучил вас. Как только я понял, что мне недолго жить, начал подыскивать человека, которому мог бы доверить сына и это!.. – он стукнул рукой по железному ящику. – Вы настоящий мужчина, Холли; как у старого дерева, у вас крепкая и здоровая сердцевина! Слушайте! Этот мальчик является единственным представителем древнего рода. Вы будете смеяться надо мной, если я вам скажу, что один из моих предков – египетский жрец богини Изиды, хотя был родом из Греции и носил имя Калликрат[2 - Калликрат (сильный и красивый) – спартанец, упомянутый Геродотом, отличавшийся поразительной красотой и павший в битве при Платее, когда лакедемоняне и афиняне разбили персов. «Этот же Калликрат, о котором упоминает Геродот, был так же храбр, как красив, и похоронен с большой пышностью» (Геродот, IX, 72)]. Отец его – фараон двадцать девятой династии, а прадед, я полагаю, был тот Калликрат, о котором упоминает Геродот. В 339 г. до Р.Х., в эпоху окончательного падения фараонов, этот жрец Калликрат нарушил обет безбрачия и бежал из Египта с принцессой царственной крови, влюбившейся в него. Корабль, на котором они бежали, разбился у берегов Африки по соседству с бухтой Делагоа, или еще севернее, и в живых остались только он со своей

женой. Они перенесли много лишений и горя, пока им не помогла могущественная королева дикого народа, белая женщина поразительной красоты. В конце концов она убила моего предка Калликрата. Жена же бежала в Афины с ребенком, которого назвала Тизисфенес, или «могучий мститель».

Через пятьсот лет, или более, мои предки отправились в Рим, оставались здесь до 700 г., когда Карл Великий овладел Ломбардией, и глава рода, глубоко преданный императору, вернулся с ним через Альпы в Британию. Восемь позднейших поколений жили Англии в царствование Эдуарда Исповедника и Вильгельма Завоевателя и достигли больших почестей и власти. С того времени до настоящего я легко могу проследить происхождение моего рода. Были между моими предками солдаты, купцы, но все они берегли и хранили честь своего имени. Около 1790 г. мой прадед накопил значительное состояние торговлей и умер в 1821 г. Мой отец наследовал ему и растратил большую часть капитала. Он умер десять лет тому назад, оставив мне две тысячи фунтов ежегодного дохода. Тогда я совершил путешествие, связанное с этой штукой (он указал на ящик), которое окончилось очень печально. На обратном пути я путешествовал по югу Европы и добрался до Афин, где встретился с моей обожаемой женой, такой же прекрасной, как и мой предок. Я женился на ней, она родила мне сына и умерла! – Он помолчал немного, склонив голову на руку, потом продолжал:

– Моя женитьба отвлекла меня от моего намерения. У меня нет времени, Холли! Когда-нибудь вы узнаете все. После смерти жены я снова вернулся к своему замыслу. Но для этого, я хорошо понимал, мне необходимо было знать восточные диалекты, особенно арабский язык. Я приехал в Кембридж, чтобы облегчить себе изучение языков. Но болезнь моя развивалась, – и теперь пришел конец!

Он снова страшно закашлялся.

Я дал ему еще виски, и он продолжал:

– Я никогда не видел моего сына, Лео, с тех пор. Я не мог видеть его, хотя мне говорили, что Лео – красивый и милый ребенок. В этом пакете, – он вытащил из кармана пакет, адресованный на мое имя, – я наметил курс образования, необходимого мальчику. Это несколько своеобразно. Во всяком случае, я не могу доверить ребенка незнакомому человеку. Еще раз, возьметесь ли вы за это?

– Сначала я должен знать, за что! – отвечал я.

– Вы должны взять к себе Лео, но отнюдь не посылать его в школу, запомните это! Когда ему исполнится 25 лет, ваша роль телохранителя будет закончена, вы откроете этими ключами (он положил ключи на стол) железный ящик, покажете ему и дадите прочесть то, что найдете в нем, независимо от того, захочет ли он или нет исполнить написанное. Это не обязательно. Мой доход – 2,200 фунтов в год. Половину этого дохода завещаю вам, если вы возьмете к себе мальчика. Остальное пусть лежит, пока Лео не исполнится 25 лет, чтобы можно было вручить ему достаточную сумму для выполнения плана, о котором я упоминал...

Я стал отказываться, но приятель был неумолим. Мне пришлось согласиться.

Винцей нежно обнял меня, сказав, что мы видимся в последний раз, – так он был уверен в близкой смерти, – и стремительно вышел.

Я долго сидел и протираю глаза, потом подумал, что Винцей был пьян... Положим, я знал о его болезни, но мне казалось невероятным, что можно быть уверенным в своей близкой смерти. Человек ждет смерти, но находит силы идти ночью ко мне и тащить с собой железный сундук! Я начал раздумывать... наконец бросил все и лег спать. Убрал ключи и принесенное Винцеем письмо и спрятав железный сундук, я лег в постель и заснул. Не прошло и нескольких минут, как я проснулся. Кто-то назвал меня по имени. Я сел и протер глаза. Было светло – около 8 часов утра.

– Что случилось, Джэк? – спросил я у слуги. – У тебя такое лицо, словно ты видел привидение!

– Да, сэ, видел, – ответил он, – я видел мертвеца, а это еще хуже! Я пошел будить мистера Винцея, как всегда, а он лежит мертвый и холодный!

II. Годы идут

Как и следовало ожидать, внезапная смерть Винцея произвела страшное волнение в колледже. Но так как все знали, что он был болен, а доктор сразу же дал нужное удостоверение, то следствия не было. Меня никто ни о чем не спрашивал, а я не чувствовал ни малейшего желания сообщать кому-нибудь о

ночном визите Винцея.

В день похорон из Лондона явился нотариус, проводил до могилы бранные останки моего друга, забрал все его бумаги и документы и уехал. Железный сундук остался у меня. Больше недели я не имел никаких известий. Мое внимание было сосредоточено на другом, я усиленно занимался. Наконец экзамены закончились, я вернулся в свою комнату и упал в кресло со счастливым сознанием, что все позади. Скоро мои мысли вновь вернулись к смерти бедного Винцея. Я снова спрашивал себя, что все это значит, удивляясь отсутствию известий.

Вдруг в дверь постучали, и мне подали письмо в толстом голубом конверте. Инстинкт подсказал мне, что это было письмо нотариуса. Оно гласило следующее:

«Сэр! Наш клиент, покойный мистер Винцей, эсквайр, умерший недавно в Кембриджском колледже, оставил завещание, копию которого посылаем вам. Согласно этому завещанию, вы получите половину состояния покойного мистера Винцея в силу того, что вы согласны принять к себе его единственного сына, Лео Винцея, ребенка 5 лет от роду. Если бы мы не обязались повиноваться точным и ясным инструкциям мистера Винцея, выраженным им лично и письменно, если бы не были уверены, что он действовал в здравом уме и твердой памяти, то могли бы сказать вам, что его распоряжения кажутся нам необычными и внушают желание обратиться на это внимание суда, чтобы удостоверить правоспособность завещателя при назначении блюстителя интересов его ребенка. Но так как нам известно, что мистер Винцей был джентльменом высокого и проницательного ума и не имел родных, кому бы мог доверить своего ребенка, то мы не считаем себя вправе поступить так.

Ждем ваших инструкций, которые вам угодно будет прислать нам относительно ребенка и уплаты причитающегося вам дивиденда.

Готовые к услугам,

Жофрей и Джордан».

Я отложил письмо и пробежал завещание, составленное на строго законных основаниях. Оно подтверждало то, что говорил мне Винцей в ночь своей смерти. Все это правда, и я могу взять мальчика к себе!

Вдруг я вспомнил о письме, которое Винцей оставил мне вместе с сундуком, и взял его. Оно содержало указания относительно образования Лео, причем от него требовалось знание греческого языка, высшей математики и арабского языка. В конце письма был постскрипtum, в котором Винцей добавлял, что если ребенок умрет ранее 25 лет, – что едва ли, по его мнению, могло случиться, – тогда я должен был открыть сундук и выполнить то, что предписано, или уничтожить все бумаги. Ни в коем случае я не должен был передавать его в чужие руки.

Письмо не открыло мне ничего нового, и я сразу же решился написать гг. Жофрей и Джордан, чтобы выразить им мое желание исполнить юлю умершего друга – взять на себя воспитание Лео. Отослав письмо, я отправился к начальству колледжа, в нескольких словах рассказал всю историю и с трудом убедил позволить мальчику жить со мной. Разрешение было дано, но с условием, чтобы я нанял себе помещение на стороне. После усердных поисков я нашел отличные комнаты близ колледжа. Затем нужно было найти няньку. Мне не хотелось нанимать женщину, которая отняла бы у меня любовь ребенка, да и мальчик мог обходиться теперь без женских услуг, так что я решил подыскать слугу. Мне посчастливилось найти славного круглолицего молодого человека, который был семнадцатым ребенком в своей семье и очень любил детей. Он охотно согласился прислуживать Лео. Потом я отвез железный сундук в город, отдал его на хранение моему банкиру, купил несколько книг об уходе за детьми и прочитал их, – сначала один, а потом вслух Джону – так звали моего нового слугу.

Наконец мальчик приехал в сопровождении пожилой женщины, которая горько плакала, расставаясь с ним. Лео был очень красивый ребенок. В самом деле, я никогда не видел такой совершенной красоты у ребенка! У него были большие глубокие серые глаза, прекрасно развитая голова и лицо, похожее на камю. Но прекраснее всего были волосы, настоящего золотистого цвета, красиво вьющиеся вокруг головы. Он немножко покричал, когда няня ушла и оставила его у нас. Никогда не забуду я этой сцены! Лео стоял у окна, луч солнца играл на золотых кудрях, один кулачок он прижал к глазу, а сквозь другой внимательно рассматривал нас. Я сидел в кресле и протягивал ему руку, тогда как Джон в углу комнаты кудахтал и заставлял бегать взад и вперед деревянную лошадку,

что, по его мнению, должно было привлечь внимание мальчика.

Прошло несколько минут. Вдруг ребенок протянул свои маленькие ручки и бросился ко мне.

– Я люблю вас! – произнес он. – Вы – некрасивы, но очень добры!

Через десять минут Лео с довольным видом уплетал хлеб с маслом. Джон хотел угостить его вареньем, но я напомнил ему о книгах, которые мы прочли, и строго запретил это.

Скоро мальчик сделался любимцем всего колледжа, и все правила, установленные для обитателей колледжа, им безбожно нарушались.

Годы шли. Мы с Лео все более привязывались друг к другу, дорожили нашей привязанностью.

Постепенно ребенок превратился в мальчика, мальчик – в юношу. Годы летели, Лео рос, совершеннее становилась и его удивительная красота! Когда Лео было 15 лет, ему дали прозвище «Красота», а мне «Животное». Эти слова летели нам вслед, когда мы ежедневно выходили гулять. Потом для нас придумали новые прозвища. Меня прозвали «Хароном», а его «Греческим божком»; в двадцать один год он походил на статую Апполона. О себе я ничего не говорю, потому что был всегда безобразен; у него же ум блестяще развился и окреп, хотя вовсе и не в школьном духе. Мы строго следовали предписаниям его отца относительно образования, и результаты оказались весьма удовлетворительными. Я изучал арабский язык, чтобы помочь Лео, но через 5 лет он знал язык не хуже нашего профессора.

Я – спортсмен по натуре, это моя единственная страсть, – и каждую осень мы ездили стрелять дичь и ловить рыбу в Шотландию, Норвегию, даже в Россию. Несмотря на то, что я хорошо стреляю, он скоро превзошел меня в стрельбе.

Когда Лео исполнилось 18 лет, я вернулся опять в свои комнаты в колледже, а он поступил в университет и двадцати одного года получил первую ученую степень. В это время я рассказал ему кое-что из истории и о тайне, которая его окружала. Понятно, он очень заинтересовался, но я объяснил, что не могу пока удовлетворить его любопытство. Затем я посоветовал ему подготовиться к

адвокатуре, он послушался, продолжал учиться в Кембридже, уезжая в Лондон обедать.

Одно только сильно беспокоило меня. Каждая женщина, встречавшая Лео, или большая часть из них непременно влюблялись в него. Отсюда возникали различные затруднения и недоразумения, весьма тревожившие меня.

Но в общем Лео вел себя прекрасно, я ничего не могу сказать в упрек. Годы шли. Наконец Лео достиг 25-летнего возраста; вот тогда-то и началась эта ужасная история.

III. Таинственный сундук

Накануне дня рождения Лео мы с ним отправились в Лондон и извлекли таинственный сундук из банка, куда я отдал его на хранение 20 лет тому назад. Я помню, тот же самый клерк, который принял сундук от меня, принес мне его обратно, сказав, что хорошо помнит этот сундук, иначе не нашел бы так быстро, ведь он весь был покрыт паутиной.

Вечером мы вернулись домой с драгоценной поклажей и всю ночь не могли уснуть. На рассвете Лео явился ко мне в комнату, уже совсем одетый, и заявил, что нам пора приниматься за дело, потому что сундук ждал двадцать лет. Я возразил, что он может еще немного подождать, пока мы позавтракаем.

Но вот завтрак был окончен, Джон принес сундук, поставил его на стол, опасливо поглядывая на него, затем приготовился уйти.

– Погодите минуту, Джон! – сказал я. – Если мистер Лео ничего не имеет против, я хотел бы, чтобы вы были посторонним свидетелем этого дела, тем более, что вы умеете держать язык за зубами!

– Разумеется, дядя Горас! – ответил Лео, – я просил его называть меня дядей, хотя иногда он варьировал это, величая меня «старый дружище».

Джон дотронулся до своей головы за неимением шляпы.

– Заприте дверь, Джон, – приказал я, – и принесите мне мою шкатулку!

Он повиновался. Я открыл шкатулку и достал из нее ключи, которые отдал мне бедный Винцей в ночь своей смерти. Их было три. Один – обыкновенный ключ, второй – очень старинный, третий – серебряный.

– Ну, готовы ли вы? – спросил я Лео и Джона. Они молчали. Я взял большой ключ, протер его маслом и после нескольких неудачных попыток, потому что мои руки дрожали, отпер замок. Лео наклонился, и с большим усилием, так как шарнир заржавел, мы открыли сундук и увидели в нем другой ящичек, покрытый пылью. С трудом вытащили мы его из железного сундука и очистили от накопившейся за годы грязи и пыли.

Это был ящик из черного дерева, скрепленный железными скобами, вероятно, очень древний, так как дерево начало уже крошиться.

Я открыл ящик вторым ключом. Джон и Лео склонились в ожидании. Откинув крышку ящика, я громко вскрикнул, так как увидел внутри его великолепную серебряную шкатулочку, несомненно, египетской работы, потому что четыре ножки ее представляли собой сфинксов, да и на куполообразной крышке находился также сфинкс. Конечно, шкатулочка с годами потускнела и запылилась, но в общем сохранилась отлично.

Я взял шкатулочку, поставил ее на стол и при гробовом молчании открыл ее маленьким серебряным ключиком. Она была наполнена до краев чем-то вроде растительных волокон, которые я осторожно отодвинул в глубину, и извлек письмо в обыкновенном конверте, надписанное рукой моего покойного друга:

«Моему сыну Лео, когда он откроет шкатулку!»

Я передал письмо Лео, который взглянул на конверт и положил его на стол, сделав мне знак продолжать исследование шкатулки.

Первое, что я нашел в ней, – был тщательно свернутый свиток пергамента. Я развернул его и увидел, что рукой Винцея было написано: «перевод греческих писем», и отложил пергамент к письму. Затем я нашел еще один древний свиток пергамента, пожелтевший и сморщившийся от времени, и развернул его.

Это был такой же перевод греческого оригинала, но латинскими буквами. Насколько я мог судить, стиль письма и сами буквы относились к началу XVI столетия. Под свитком пергамента лежало что-то твердое и тяжелое, завернутое в пожелтевшее полотно, под слоем растительных волокон. Тихо и осторожно развернули мы полотно и извлекли большой грязно-желтого цвета сосуд, несомненно, относившийся к глубокой древности. По моему мнению, этот сосуд представлял собой часть обыкновенной амфоры среднего размера. Выпуклая сторона была покрыта греческими письменами, стертыми уже там и сям, но все еще достаточно разборчивыми. Очевидно, надпись была сделана очень тщательно с помощью тростниковой палочки, часто употреблявшейся в древности. Не могу не упомянуть, что этот удивительный обломок амфоры был разбит пополам и склеен цементом. На внутренней стороне ее тоже было много надписей довольно странного характера, очевидно, сделанных разными руками и в различное время.

- Есть еще что-нибудь? - спросил Лео возбужденным шепотом.

Я порылся в шкатулке и достал что-то твердое, завернутое в небольшой полотняный мешок. Из этого мешка мы достали прелестную миниатюру на слоновой кости и маленькую, шоколадного цвета, скарабею с символическими изображениями. Мы разобрали их и прочитали «Suten se Ra» что значит в переводе «Царственный сын Ра или солнца». Миниатюра представляла собой портрет матери Лео, прелестной, темноокой женщины. На оборотной стороне рукой Винцея было написано: «Моя обожаемая жена.»

- Теперь все! - заявил я.

- Отлично, - ответил Лео, который долго и с нежностью вглядывался в миниатюру и положил ее на стол, - давайте теперь читать письмо!

Он сломал печать и прочитал следующее:

«Мой сын! Когда ты прочтешь это письмо, достигнув возмужалости, я уже буду давно забыт всеми в моей могиле. Читая его, вспомни обо мне... Я простираю к тебе руки из страны мертвых, и мой голос звучит тебе из недр холодной могилы. Хотя я умер и ты не помнишь меня, но в эту минуту, когда ты читаешь письмо, я с тобой. Со дня твоего рождения я почти не видал твоего лица. Прости мне это. Твое рождение отняло жизнь у той, которую я любил так, как редко любят

женщин, и мне было тяжело видеть тебя. Если бы я остался жив, то, наверное, победил бы это глупое чувство. Мои физические и нравственные страдания невыносимы, и если те распоряжения, которые я сделал для твоего будущего благосостояния, будут выполнены – я доволен! Пусть Бог простит мне, если я ошибаюсь!»

– Он убил себя! – воскликнул я. – Я так и думал!

«Теперь, – продолжал Лео читать, – довольно обо мне! Холли, мой верный друг (которому я поручил тебя), расскажет тебе о древности нашего рода. В этой шкатулке ты найдешь достаточные доказательства этой древности. Странную легенду, написанную на сосуде, которую ты прочтешь, сообщил мне мой отец на своем смертном ложе. Она произвела на меня громадное впечатление. Когда мне было 19 лет, я хотел изучить эту историю, узнать правду, и видел многое собственными глазами. Я отправился путешествовать, пристал к берегу Африки в неисследованной области к северу от Замбези. Там есть возвышенность, на оконечности которой высится горная вершина, похожая на голову негра. Я узнал там об одном туземце, который совершил преступление и был изгнан своим народом из страны, огромные горы которой похожи на чашки, а глубокие пещеры окружены безграничными болотами. Я узнал также, что народ этой страны говорит по-арабски и подчиняется „прекрасной белой женщине“, которая редко показывается, но имеет огромную власть над всем живыми и мертвым. Через два дня все это подтвердил мне человек, который умер от болотной лихорадки. Я был вынужден из-за недостатка провизии и в силу первых симптомов моей болезни, которая потом довела меня до могилы, уехать оттуда. Корабль, на котором я ехал, разбился, я был выброшен на берег Мадагаскара и спасен английским кораблем, который доставил меня в Аден. Отсюда я переправился в Англию, намереваясь при первой возможности снова приняться за поиски. На пути своем я побывал в Греции, где встретил твою красавицу-мать и женился на ней. Потом родился ты, а она умерла. Болезнь держит меня в своих когтях, и я вернулся домой умирать. Все же я не терял надежды, изучал арабский язык, чтобы отправиться на берег Африки и раскрыть тайну нашего рода, которая пережила несколько столетий. Но мне становилось все хуже, и конец был близок! Ты, мой сын, только начинаешь жить, и я передаю тебе результат моих трудов вместе с доказательствами древнего происхождения нашего рода.

Я не думаю, что это пустая басня. Если есть жизнь, почему не может быть средств для бесконечного продления ее? Но я не хочу внушать тебе что-либо.

Читай и суди сам. Если захочешь продолжить мои исследования, я распорядился, чтобы ты не ощущал недостатка в средствах. Если ты решишь, что легенда – не что иное как химера, тогда, заклинаю тебя, уничтожь этот сосуд, письма и забудь все! Быть может, это будет умнее всего! Тот, кто захочет познать великие и тайные силы природы, может пасть их жертвой! Но если ты пожелаешь раскрыть тайну и выйдешь из испытания прекрасным и юным, не знающим постепенного увядания духа и тела, если время и зло будут бессильны против тебя, кто может сказать, будешь ли ты счастлив? Выбирай, сын мой, обдумай! Пусть вечная сила, управляющая миром, руководит тобой для твоего собственного блага и для блага всего мира, которым, в случае успеха, ты будешь когда-нибудь управлять силой высшего разума и накопленного веками опыта! Прощай!»

Так заканчивалось письмо.

– Что вы скажете об этом, дядя Горас? – спросил Лео, положив бумагу на стол.

– Что я скажу? – Твой покойный отец был помешан! – ответил я серьезно. – Я догадывался об этом еще в ту памятную ночь, двадцать лет тому назад, когда он пришел ко мне! Он сам ускорил свою кончину, бедняга! Это абсолютный вздор!

– Верно, сэр! – подтвердил Джон торжественно.

– Хорошо, посмотрим, что скажет теперь сосуд! – сказал Лео, взяв в руки перевод греческих писем.

«Я, Аменартас, из царственного дома фараонов Египта, жена Калликрата (прекрасного и сильного), жреца Изиды, любимца богов, которому повиновались демоны, умершего теперь, – завещаю это моему маленькому сыну Тизисфену (Могучий мститель). Я бежала с твоим отцом из Египта во времена Некто-небфы[3 - Некто-небфа – последний фараон Египта.], потому что, ради любви ко мне, он нарушает свой священный обет: мы бежали к югу, плыли по воде, странствовали 24 луны по берегу Ливии (Африка) навстречу восходящему солнцу, там, где у самой реки находится большая скала, похожая на голову воина. На расстоянии 4 дней пути от устья реки мы были выброшены на берег, многие утонули и умерли. Какие-то дикие люди пришли через болото и степи, взяли нас и несли 10 дней, пока не очутились у крутой горы, где стоял когда-то большой город, от которого остались развалины и где было много пещер и скал.

Они принесли нас к королеве народа, которая имеет обыкновение надевать раскаленные горшки на голову чужестранцев, и, будучи волшебницей, обладает сверхъестественными познаниями, вечной жизнью и красотой! Эта королева обратила взор любви на твоего отца Калликрата и хотела убить меня и взять его в мужья, но он крепко любил меня и боялся ее. Тогда, благодаря своему искусству в черной магии, она перенесла нас в какое-то ужасное место и показала нам огненный столб жизни, который никогда не угасает, чей голос походит на голос грома. Там она стояла, объятая пламенем, и вышла из него невредимая, блещущая возрожденной красотой.

Она клялась, что твой отец никогда не умрет, если согласится убить меня и отдаться ей, так как она сама не смела убить меня. Меня спасла от нее магия моего народа, которую я также хорошо знала. Твой отец прикрыл глаза рукой, чтобы не видеть ее красоты. Тогда разъяренная королева умертвила его с помощью магии, и он умер. Но она горько оплакивала его и, испуганная, отослала меня к устью большой реки, где я села на корабль и вскоре родила тебя. После долгих странствий мы очутились в Афинах.

Теперь завещаю тебе, мой сын, узнай эту женщину и, если найдешь средство, убей ее, отомсти за своего отца. Если же ты испугаешься или окажешься слабым, я завещаю это всем твоим потомкам, если между ними найдется смелый человек, который очистится в огне и сядет на престол фараонов».

– Да простит ее Бог! – проворчал Джон, слушавший с открытым ртом удивительное сочинение.

Я ничего не сказал, – моей первой мыслью было то, что мой бедный друг сам сочинил всю эту историю и, чтобы рассеять свои сомнения, я взял сосуд и начал разбирать греческие письмена; английский перевод их, который прочитал нам Лео, был точен и красив.

Кроме этих надписей, на краю амфоры был нарисован темной краской скипетр, символы и иероглифы на котором стерлись, словно на них был наложен воск. Принадлежал ли он Калликрату[4 - Скипетр не мог принадлежать Калликрату, как полагает мистер Холли, так как был прерогативой только царской власти в Египте.], или царственному роду фараонов, от которых происходила его жена, Аменартас, я не знаю, как не могу сказать, когда это было написано на сосуде, – одновременно ли с греческими надписями, или же скопировано кем-нибудь со скарабеи уже позднее. Внизу находилось очертания головы и плечей сфинкса,

украшенных двумя перьями, символами величия, чего я никогда не видел на сфинксах.

На правой стороне сосуда имелась следующая надпись: «Странные вещи совершились тогда на земле, на небе и на море. Доротей Винцей.»

Удивленный, я повернул обломок сосуда. Он был покрыт сверху донизу надписями на греческом, латинском и английском языках. Первая надпись была: «Я не могу идти. Тизисфен своему сыну Калликрату». Далее следовало факсимиле.

Этот Калликрат (вероятно, по греческому обычаю он назван так в честь деда), очевидно, пытался ответить, потому что его надпись гласит. «Я перестал думать о путешествии, так как боги против меня. Калликрат своему сыну».

Затем следовали 12 латинских подписей. Эти подписи, за исключением трех, оканчивались именем «Виндекс» или «Мститель».

Римские имена, написанные на сосуде, известны в истории. Насколько я помню, это были следующие имена: Миссивс, Виндекс, Секс, Варивс, Мариллис и др. За этим рядом имен идет перечисление столетий.

Потом следует самая любопытная надпись на необычайной реликвии прошлого. Она сделана черными буквами поверх мечей крестоносцев и помечена 1445 г. Мы нашли английский перевод этой надписи на втором пергаменте, который находился в ящике.

– Хорошо, – сказал я, когда прочел и заботливо разглядел все надписи, – вот и конец всего дела, Лео, и ты можешь составить о нем свое собственное мнение. Я уже обдумал все!

– И что же? – спросил Лео спокойно.

– Я полагаю, что сосуд неподдельный и перешел к вашей семье за 4 столетия до Р.Х. Надписи подтверждают мое мнение. Затем я молчу. Я не сомневаюсь, – египетская принцесса, или какой-нибудь писец по ее приказанию написал все, что мы видим здесь, не сомневаюсь также и в том, что страдания и потеря

супруга поразили ее так, что она была не в своем уме, когда писала это!

– Каким же образом отец мог видеть и слышать все это?

– Совпадение. Нет сомнения, что на берегу Африки имеется скала, похожая на человеческую голову, и народ, который говорит на старо-арабском наречии, и болота, и топи. Но, Лео, хоть мне и очень больно сознаться в этом, я думаю, что твой бедный отец был не в своем уме, когда писал письмо!

Джон также лаконично ответил: чушь!

Но Лео уже принял решение и выразил твердое намерение ехать в Африку.

А так как я и Джон души не чаяли в нем, да к тому же Лео сумел описать мне соблазнительные картины охоты, которая ожидала нас в Африке, то неудивительно, что мы через три дня все трое уже плыли по океану в Занзибар.

IV. Шквал

Какое разнообразие впечатлений! Какая перемена в сравнении с нашей прежней жизнью. Прощайте, тихие комнаты колледжа, мирно шелестящие английские вязы, знакомые книги на полках шкафа! Новая картина перед нами! Бесконечная гладь великого океана, залитая серебристым светом африканского месяца. Легкий ветерок надувает паруса нашего корабля, и вода музыкально журчит вокруг нас. Большая часть пассажиров спит, потому что уже скоро полночь, но дюжий смуглый араб, по имени Магомет, стоит на палубе, меланхолично глядя на звезды. В трех милях от нас виднеется какая-то темная полоса. Это восточный берег Африки.

– Завтра в 10 часов утра, – говорю я, – мы должны увидеть таинственную скалу в виде головы, если капитан верно рассчитал. Там мы поохотимся!

– ...И начнем искать разрушенный город и Огонь Жизни! – добавил Лео, вынимая изо рта трубку и улыбаясь.

– Глупости! – возразил я. – Сегодня ты достаточно упражнялся в арабском языке с этим арабом. Что он сказал тебе? Он занимался торговлей и хорошо знает эту необитаемую страну и даже побывал на знаменитой скале. Слышал ли он что-нибудь о разрушенном городе и пещерах?

– Нет, – ответил Лео, – он говорит, что страна представляет собой сплошное болото, где кишат змеи, особенно питоны, где масса дичи и вовсе нет людей. Но вдоль всего восточно-африканского берега тянутся болота, а за ними неизведанная область...

– Да, да, – возразил я, – где можно заразиться малярией! Ты слышал, что сказал араб о стране! Никто не хочет идти туда с нами, все они считают, что мы помешались, и честное слово, я начинаю думать, что это правда. Я буду очень удивлен, если мы увидим когда-нибудь нашу старую Англию. Я боюсь за тебя, Лео, и за нашего Джона. Право, это чистое сумасшествие, мой мальчик!

– Верно, дядя Горас! Что касается меня, я хочу попытаться счастья. Смотри! Что это за облако?

Он указал на темное облако, заслонившее звездное небо в нескольких милях от нас.

– Пойди и спроси у араба! – сказал я.

Лео встал, ушел и сейчас же вернулся.

– Он говорит, что это шквал, который пронесется в стороне от нас!

Тут к нам подошел Джон, выглядевший молодцом в охотничьей куртке из коричневой фланели, с некоторым смущением на честном круглом лице, которое не покидало его с тех пор, как он плывал по чужеземным водам.

– Позвольте мне, сэр, – произнес он, дотронувшись до своей легкой шляпы, которая самым забавным образом сидела у него на затылке, – так как мы сложили все наши ружья в шлюпку, не говоря уже о провизии, – позвольте мне влезть туда и там спать. Мне не нравятся эти черные парни! – Он понизил голос до шепота. – Они отлично умеют воровать. Что если кто-нибудь из них заберется

ночью в нашу лодку, перережет канат и удерет? Прекрасная будет вещь!

Я должен пояснить, что наша лодка была специально для нас сделана в Шотландии. Мы взяли ее с собой, зная, что берег здесь изрезан бухтами и заливами и лодка будет нужна нам. Это была прочная парусная лодка 30-ти футов в длину. Капитан корабля сказал нам, что когда мы доберемся до таинственной скалы, то едва ли возможно будет подойти к ней близко из-за мелей и бурунов. Мы потратили целых три часа в это утро, хотя море было спокойно и ветер затих, переправляя большую часть имущества в нашу лодку, размещая в ней ружья, амуницию, провизию, так что когда вдали показалась знаменитая скала, нам оставалось только сесть в лодку и переправиться на берег.

Другая причина, которая заставила нас принять предосторожности – было опасение, что капитан мог пройти мимо скалы или по небрежности, или по ошибке, а моряки хорошо знают: корабль, который идет по муссону, не может повернуть назад. Мы приготовили нашу лодку и ждали.

– Да, Джон, – сказал я, – у нас много одеял, позаботься закрыться ими от месяца, он может подействовать на твою голову или ослепить тебя!

Мы сидели на палубе, курили, болтали и шутили.

Ночь была так прекрасна, что нам не хотелось идти спать. Около часа сидели мы и, вероятно, задремали. Я смутно припоминаю сквозь сон, как Лео объяснял мне, что самое лучшее – ударить буйвола по голове, если хочешь схватить его за рога, или пустить ему пулю в горло и еще что-то вроде этого.

Вдруг – сильнейший рев ветра, крик ужаса; вода брызнула нам в лицо! Люди побежали спускать паруса, крича и волнуясь. Я вскочил на ноги и бросился к канату. Небо потемнело, но месяц светил ярко. Огромнейший бурун в 20 футов высотой несся прямо на нас. Прищурив глаза, я увидел, что наша лодка взлетела на вершину огромного вала. Затем сильный удар воды, кипящая пена; я уцепился за что-то и упал. Мне казалось, что я пробыл несколько минут под водой. Когда я взглянул перед собой, то увидел, что большой парус был оторван бурей и болтался в воздухе, словно большая раненая птица. С минуту царил тишина, и потом я услышал голос Джона:

- Идите в лодку скорее!

Измученный, я едва нашел силы броситься вперед.

Шхуна была полна водой и тонула. Нашу лодку отчаянно бросало во все стороны, араб Магомет успел прыгнуть в нее и старался поставить руль. С усилием я прыгнул в лодку, Джон схватил меня за руку, и я покатился на дно. Шхуна погружалась. Магомет выхватил свой кривой нож и обрезал канат, которым была прикреплена к ней наша лодка.

- Великий Боже! - вскричал я. - Где же Лео? Лео! Лео!

- Помоги ему Боже, он, наверное, утонул! - прокричал мне в ухо Джон, но в ярости бури и реве ветра, его голос казался шепотом.

В отчаянии я стиснул руки. Лео утонул, а я остался оплакивать его.

- Смотрите! - закричал Джон. - Тут есть кто-то!

Я обернулся. Огромный вал снова поднял нашу лодку, и я уже почти желал, чтобы он потопил нас. Месяц скрылся за облака, только робкий луч его скользил по воде. Было тепло, и вода заливала лодку. Слава Богу, она была так хорошо сделана, что скользила и выплывала снова, словно лебедь. Среди пены я заметил что-то черное, стремившееся прямо ко мне. Я хотел оттолкнуть от себя темный предмет и схватил руку. Я очень силен, но едва смог удержать это человеческое тело и втащить его в лодку.

- Гребите, гребите хорошенько! - кричал Джон.

Тут слабый луч света упал на лицо человека, которого я держал... Это был Лео, принесенный волной, вырванный мной из когтей смерти.

- Работайте веслом! - кричал Джон. - Или мы потонем!

Буря свирепствовала, лодка качалась взад и вперед, ветер выл, вспышки молнии ослепляли нас. Мы работали среди этого хаоса, словно демоны, с диким отчаянием. Одна минута, три, шесть минут! Стало светлее! Вдруг сквозь рев

урагана до нас донеслось глухое ворчание...

- Великий Боже! Это - бурун!

В эту минуту месяц выплыл из облаков и озарил бушующий океан.

В зияющем мраке ясно виднелась белая полоса пены. То были буруны. Однако благодаря ловкости Магомета, хорошо знакомого с морем и этими опасными берегами, мы ускользнули от них.

А вскоре и буря прекратилась. Месяц ослепительно сиял, освещая скалистую возвышенность, у подножия которой шумели буруны. В это время Лео открыл глаза, заявив, что платье его очень измято, а между тем пора идти в часовню. Я велел ему закрыть глаза и лежать спокойно. Его слова о том, что пора идти в часовню, заставили меня задуматься и напомнили удобные комнаты в Кембридже. Болезненное тяжелое чувство овладело мной. Почему я был так глуп и поехал сюда? С этой ночи мне часто приходила в голову подобная мысль.

Опять буруны... бушующая пена, рев и шум. Наконец мы благополучно пробились через них и тихо приближались к берегу.

На востоке появилась яркая полоса - предвестник зари. Море стихло, легкий туман окутывал его, словно успокаивая все тревоги.

V. Голова негра

Наступило утро. Солнце поднялось и залило землю теплом и светом.

Я сидел в лодке, прислушиваясь к рокоту воды и наблюдая за восходом солнца, пока лодка не коснулась таинственной странной скалы, у края которой мы перенесли столько опасностей и которая заслонила теперь от меня величественное зрелище.

Я продолжал смотреть на скалу и заметил, что верхушка ее действительно походила на голову и лицо негра, поражавшее своим яростным выражением.

Были ясно видны толстые губы, жирные щеки, приплюснутый нос, круглый череп головы негра, тысячи лет омываемой волнами и обдуваемой ветром. В довершение сходства на колоссальной голове негра виднелась какая-то тощая растительность и казалась в лучах солнца густой шерстью. Конечно, все было очень странно, так странно, что я предположил: это вовсе не игра природы, а гигантский монумент, сделанный, подобно египетскому сфинксу, каким-нибудь забытым народом на вершине скалы, как символ презрения к врагам, которые могут приблизиться к гавани. Мы так и не смогли узнать этого наверняка, потому что скала была малодоступна. Разглядев скалу при солнечном свете, я решил, что голова сделана человеком. Стоит она из года в год, вечно омываемая изменчивым океаном, – стояла и тысячу лет тому назад, когда Аменартас, египетская принцесса, жена Калликрата, смотрела на дьявольское лицо, и будет стоять еще много столетий, когда все мы будем забыты.

– Что ты думаешь об этом, Джон? – спросил я нашего слугу, сидевшего на краю лодки и выглядевшего очень печально, указывая ему на голову негра.

– О, сэр! – ответил Джон, только что успевший заметить оригинальную скалу. – Я думаю, что старый джентльмен сделал свой портрет со скалы!

Я засмеялся, и мой смех разбудил Лео.

– Ого! – сказал он. – Что такое со мной случилось? Я весь озяб. Где же шхуна? Дайте мне, пожалуйста, водки!

– Благодарю Бога, мальчик, что ты не окостенел навеки! – ответил я. – Шхуна затонула, с ней утонули все люди, за исключением нас четверых. Твоя жизнь спасена чудом!

Джон отыскал водку, пока я рассказывал Лео о нашем ночном приключении.

– Великий Боже! – произнес он. – Как мы смогли уцелеть!

Потом мы выпили водки и почувствовали себя лучше. Солнце начало сильно припекать и согрело нас, иззябших, промокших до костей.

– Да! – сказал Лео, поставив в сторону бутылку с водкой. – Это действительно такая скала, как описано там... похожая на голову негра...

– Верно! – ответил я.

– Значит, – возразил он, – все правда!

– Еще ничего не ясно! – ответил я. – Мы знали, что такая скала существует, отец твой видел ее. Но это ровно ничего не доказывает!

Лео снисходительно улыбнулся.

– Ты – Фома неверный, дядя Горас! – сказал он. – Поживем – увидим!

– Конечно, – ответил я, – ну а теперь мы находимся у самого устья реки. Возьми весло, Джон, мы поищем местечко, где можно пристать к берегу!

Устье реки, в которое мы вошли, было не широко, хотя из-за густого тумана, окутывавшего берега, мы не могли хорошо разглядеть окрестности. Через 20 минут мы пристали к берегу с большим трудом с помощью попутного ветра.

Туман рассеялся, солнце пекло, и на болотистых берегах лежали крокодилы, похожие на огромные чурбаны. За милю от нас тянулась полоса твердой земли, и через четверть часа мы очутились там, прикрепили лодку к дереву и вышли на берег. Затем мы разделись, помылись и повесили наше платье сушиться на солнце.

Приютившись под листвой громадных деревьев, мы позавтракали мясом, которое захватили с собой в изрядном количестве, радуясь, что успели заблаговременно перенести до начала бури в нашу лодку всю провизию и все имущество.

Когда мы закончили завтрак, наша одежда успела высохнуть, и мы поспешили одеть ее. Осмотревшись вокруг, мы заметили, что находимся на узкой полосе земли, окаймленной с одной стороны рекой, а с другой – бесконечными унылыми болотами, которые тянулись вдаль.

– Здесь, наверное, была гавань! – сказал Лео.

– Чепуха! – возразил я. – Кто будет строить гавань посреди ужаснейших болот в необитаемой стране?

– Быть может, раньше здесь не было болот и страна была обитаема! – сухо возразил Лео. – Посмотри, – указал он на место, где вчерашний ураган вырвал с корнями огромное дерево магнолии, – разве не работа человеческих рук этот камень?

– Глупости! – отвечал я.

Мы подошли к поваленному дереву.

– Ну, что же? – спросил он.

Я промолчал и только свистнул. Несомненно, передо мной лежал огромный камень, разбитый на небольшие глыбы, крепко скрепленные цементом. Это еще не все. Я дотронулся рукой до разрыхленной земли и увидел огромное каменное кольцо, около фута в диаметре и около 3-х дюймов толщиной. Это открытие поразило меня.

– Разве не похоже на гавань, где стояли корабли? – спросил Лео.

Я хотел было возразить, но слова застряли у меня в горле.

– В давно прошедшие века здесь приставали корабли, и это кольцо – несомненно, след когда-то существовавшей гавани. Вероятно, и сам город похоронен в болотах. Наша история начинает походить на правду! – сказал неугомонный Лео.

– Страна, подобная Африке, – сказал я, – конечно, полна следов и памятников давно исчезнувших забытых народов. Никто не знает, когда началась цивилизация Египта. Были вавилоняне, финикияне, персы и другие народы, более или менее цивилизованные, не говоря уже о евреях. Вспомни персидские могилы, которые консул показывал нам в Кильва! [5 - Около Кильва, на восточном берегу Африки, существует утес, на вершине которого находятся персидские

могилы. Ниже обнаружены развалины древних городов, которые существовали много столетий тому назад.]

- Хорошо, - заметил Лео, - но раньше ты говорил совсем другое...

В это время мы дошли до края болота и посмотрели вдаль. Оно было необозримо, и целые стаи птиц летали над ним. Ядовитые испарения поднимались с его поверхности.

- Мне ясно одно, - сказал я, обращаясь к своим спутникам, - во-первых, что мы не сможем пройти через эту топь, а во-вторых, если мы останемся здесь, то непременно умрем от лихорадки!

- Да, это верно! - подтвердил Джон.

- Тогда перед нами два пути: или попытаться добраться до какой-нибудь гавани в нашей лодке и пересечь на корабль, что, конечно, рискованно, или же поднять паруса и плыть дальше по реке! Я не знаю, как решите вы, - сказал Лео, - но я поеду по реке!

Джон закатил глаза и заворчал, араб пробормотал «Аллах» и тоже заворчал. Что касается меня, я мягко заметил: так как мы находимся между дьявольским болотом и морем, то, в сущности, все равно, куда идти. На самом деле колоссальная голова негра и каменное кольцо возбудили мое любопытство, которого я втайне стыдился. Осмотрев и, насколько возможно, починив лодку, мы зарядили винтовки и поплыли. К счастью, ветер дул с океана, и мы могли поднять паруса. Мы заметили, что на этой широте на рассвете ветер всегда дует с океана к берегу, а на закате солнца от берега в океан. Воспользовавшись этим попутным ветром, мы плыли по реке три или четыре часа.

Около полудня стало очень жарко. Зловоние, доносившееся до нас с болот, было просто ужасно, и мы поспешили проглотить предохранительную дозу хинина. Скоро ветер совсем утих, и мы с удовольствием выбрались из лодки под тень деревьев, которые росли у реки, и легли там, ожидая заката солнца, а с ним конца наших мучений от жары. Когда мы готовились снова сесть в лодку, я оглянулся. Солнце близилось к закату. Вправо и влево от нас, насколько хватало глаз, тянулись смертоносные болота с прудами темной стоячей воды, блестящей, как зеркало, в лучах заходящего солнца. Впереди и сзади нас

лениво струилась река, впадавшая в лагуну, на поверхности которой последние лучи солнца боролись с тенями ночи. На западе огромное красное солнце исчезало в туманном горизонте, и небо рдело кровавым отблеском. Никогда не забуду этой печальной и волшебной картины, она глубоко запечатлелась в моей памяти.

Стемнело. Проплыв еще немного, мы бросили якорь, хотя не смели выйти на берег, не зная, найдем ли удобное место для ночлега, и боясь ядовитых испарений болота, которые не могли так убийственно подействовать на нас на воде. Зажгли походную лампу, поужинали и хотели лечь спать. Но спать оказалось невозможно. Привлеченные светом или необычным запахом белых людей, целые полчища огромных moskitov накинулись на нас. Тучами летели они, немилосердно кусая и жаля нас до того, что мы готовы были взбеситься. Только табак немного отгонял их. В конце концов мы закутались в одеяла с головой и сидели неподвижно, ругаясь и проклиная moskitov. Вдруг в тишине, словно гром, раздался невдалеке от нас дикий рев льва.

– Ай, ай! – произнес Лео, высовывая голову из одеяла. – Не лучше ли будет выйти на берег, дядя? Проклятие! Moskit укусил меня за нос! – И голова вновь исчезла в одеяле.

Скоро взошел месяц, и, несмотря на рычание льва, мы задремали.

Не знаю, что заставило меня высунуть голову из одеяла, я услышал перепуганный шепот Джона.

– О, звезды небесные, взгляните-ка туда!

Мы все взглянули в указанном направлении и при свете месяца увидели около берега светящиеся точки и два темных предмета.

– Что это такое? – спросил я.

– Это проклятые львы, сэр! – отвечал Джон испуганно. – Они плывут сюда, чтобы съесть нас!

Несомненно, это были львы. Я видел их яростно сверкающие глаза. Лео взялся за винтовку, я посоветовал ему подождать, пока они подойдут ближе.

В 50 шагах от нас показалась львица и яростно зарычала. В этот момент Лео выстрелил. Пуля попала ей в открытую пасть и прошла в затылок. Раздался сильный всплеск воды, и львица упала мертвой.

Позади нее находился лев, который положил свои передние лапы на берег. Вдруг произошло что-то странное. Лев испустил страшный рев и прыгнул на берег, таща за собой что-то темное.

- Аллах! - завопил Магомет. - Смотрите! Крокодил схватил его за ногу!

Это было верно. Мы увидели длинную морду крокодила, его пасть и туловище. Затем последовала удивительная сцена. Лев пытался вытащить крокодила на берег и страшно рычал, а крокодил впился зубами в его заднюю ногу. Тогда лев с диким ворчанием повернулся и ударил лапой по голове крокодила. Пресмыкающееся медленно двинулось вперед, и лев схватил его за горло. Они катались по берегу в этой отвратительной борьбе. Трудно было уследить за их движениями, но вскоре мы заметили, что крокодил, весь покрытый кровью, держал в своих железных челюстях туловище льва, крепко сжимая его. Измученный зверь бился и ревел в агонии, бешено ударяя лапой по голове врага, и успел ранить нежное горло крокодила. Вскоре голова льва упала на крокодила, и он с ужасающим ревом издох. Крокодил медленно пополз, таща за собой перегрызенный пополам труп зверя. Эта борьба была ужасным и потрясающим зрелищем. Когда все кончилось, мы оставили Магомета сторожить, а сами провели остаток ночи сравнительно спокойно, насколько позволяли москиты.

VI. В плену

На следующее утро мы проснулись с рассветом и начали готовиться к дальнейшему путешествию. Я должен сказать, что, когда рассвело и можно было разглядеть лица моих спутников, я готов был расхохотаться. Полное и добродушное лицо Джона страшно распухло от укусов москитов, да и Лео был не в лучшем состоянии. Из нас троих меньше всех был искусан я, вероятно,

вследствие грубости кожи, покрытой волосами, тем более, что после отъезда из Англии я отпустил бороду и предоставил ей полную свободу. Магомета москиты вовсе не пожелали трогать, вероятно, почуяв залах правоверного. Как часто в продолжение этой недели мы желали пахнуть так же, как наш араб! Пока мы рассматривали друг друга и смеялись, насколько нам позволяли распухшие губы, стало совсем светло и утренний ветер разогнал туман, поднимавшийся с болот. Мы подняли парус и, тщательно рассмотрев убитых львов и крокодила, поплыли по направлению к лагуне, следуя течению реки. В полдень, когда ветерок затих, нам посчастливилось найти удобное место, где можно было расположиться лагерем и развести огонь; мы зажарили дикую утку, хоть и не очень аппетитно, но вполне удовлетворительно. Остатки мяса мы нарезали полосами и развесили на солнце.

В этом гостеприимном уголке мы оставались до следующего утра и провели ночь без особых тревог, если не считать москитов. Следующие два дня прошли таким же образом, без всяких приключений. Нам удалось подстрелить какую-то необыкновенную дичь и найти несколько разновидностей водяной лилии в полном цвету замечательной красоты.

На пятый день нашего путешествия ветер затих в 11 часов утра, и мы вынуждены были остановиться, выбрав для стоянки группу деревьев на берегу, под которыми и расположились. Погуляв по берегу, мы убили еще несколько штук водяных птиц. Не успели пройти 50 ярдов, как поняли, что дальше ехать по реке невозможно, так как впереди, почти на 200 ярдов, тянулась отмель.

Повернув назад, мы долго шли по берегу и вскоре пришли к заключению, что это вовсе не река, а прорытый в древности канал, вроде того, который находится около Момбаза, на берегу Занзибара. Берега его были подмыты водой, а поверхность покрыта зарослями. Очевидно, что если не по реке, то мы можем плыть по каналу или вернуться на море. Оставаться здесь было невозможно, так как грозила опасность изжариться на солнце, быть съеденными москитами или умереть от болотной лихорадки.

– Что ж, попытаемся! – сказал я, и все остальные согласились со мной: Лео – с великим удовольствием; Джон – с почтительным негодованием, а Магомет – взывая к пророку и проклиная неверных.

Как только солнце село, мы отправились в путь. Около двух часов мы усердно работали, – Магомет, Джон и я, тогда как Лео сидел на носу лодки и мечом

Магомета отталкивал обломки дерева и всякий хлам, плававший в воде. Когда стемнело, мы остановились отдохнуть и доставить удовольствие москитам, но около полуночи снова поплыли, пользуясь свежестью ночи. На рассвете, отдохнув три часа, мы отправились в путь и плыли до 10 часов утра, когда вдруг разразилась буря, сопровождавшаяся страшным ливнем, и мы провели около шести часов буквально под водой.

Думаю, что нет надобности описывать подробности нашего путешествия в течение следующих 4 дней, ужасных по своей монотонности, тяжелой работе, жаре и москитах. Мы находились в поясе безграничных болот, и то обстоятельство, что избежали лихорадки и смерти, я приписываю только дозам хинина и очистительного, которые мы глотали, и также постоянной физической работе. На третий день нашего пути по каналу мы заметили вдали круглый холм, видневшийся сквозь испарения болот.

Мы чувствовали себя настолько истощенными, что готовы были лечь и умереть в этом ужасном месте. Я бросился на дно лодки, чтобы уснуть и немного отдохнуть от страшного истощения, горько проклиная свою глупость, которая побудила меня принять участие в этом сумасшедшем деле. Помню, я впал в забытие. Мне грезилось, что наша лодка наполняется водой, что мы умираем и вода смывает наши останки; наступает конец всему. Мне слышалось журчанье воды около нас, и я увидел мертвого араба, который вдруг выпрямил свой скелет и, сверкая на меня пустыми впадинами глаз, скрежеща челюстями, начал проклинать меня, христианскую собаку, за то, что я потревожил последний сон правоверного.

Я открыл глаза, содрогаясь от ужасного сна, и вдруг увидел два глаза, которые смотрели на меня в темноте. Вскочив на ноги, я закричал от ужаса, все мои спутники вскочили разом, перепуганные, сонные.

Затем я почувствовал прикосновение холодной стали к моему горлу. Сзади сверкнули еще два копья.

– Тише! – сказал чей-то голос по-арабски. – Кто вы такие и как пришли сюда? Говори, или умрешь! – снова сталь прикоснулась к моему горлу.

– Мы – путешественники! – отвечал я по-арабски, и, очевидно, был понят, потому что человек, державший меня, повернул голову и, обратившись к какой-то

высокой фигуре, стоявшей в стороне, спросил:

- Отец, нужно ли убить их?

- Какой цвет кожи у этих людей? - спросил глубокий голос.

- Белый!

- Не убивай! - был ответ. - «Та, которой все повинуются», прислала мне сказать: придут белые люди, а когда они придут, не убивай их! Веди их в дом «Той, которой все повинуются»!

- Пойдем! - сказал мне человек, вытаскивая меня из лодки.

Та же участь постигла моих спутников.

На берегу стояла толпа из 50 человек. Я заметил, что они были вооружены огромными копьями, очень рослые, крепко сложены и обнажены, если не считать шкуры леопарда, повязанной у пояса.

Лео и Джон очутились возле меня.

- Что случилось? - спросил Лео, протирая глаза.

- О, сэр, с нами случилось нечто странное! - вскричал Джон.

В эту минуту к нам подбежал Магомет, преследуемый человеком с поднятым копьем.

- Аллах! Аллах! - вопил Магомет. - Защитите меня! Защитите!

- Отец, тут есть один черный человек! Что сделать с ним?

- «Она» ничего не сказала. Не убивай его, иди сюда, мой сын!

Человек подошел, высокая фигура склонилась над ним и прошептала что-то.

- Да, да! - ответил тот и страшно захохотал. - Там трое белых людей?

- Да, трое, отец!

- Тогда несите их и захватите с собой все, что нужно!

Едва он успел произнести эти слова, как к нам подошли какие-то люди, держа на своих плечах крытые паланкины. У каждого паланкина было 4 носильщика и двое запасных.

- Хорошо, - сказал Лео, - очень хорошо, что о нас теперь заботятся другие!

Делать было нечего, я влез в носилки и устроился там очень комфортабельно. Вероятно, носилки были сделаны из волокон травы, которая гнулась и вытягивалась при каждом движении тела, поддерживая на должной высоте голову и шею.

Едва я успел усестыся на носилки, как носильщики двинулись куда-то ровным и быстрым шагом. Около получаса я лежал спокойно, размышляя о нашем приключении и о том, как изумились бы мои почтенные друзья в Кембридже, если бы я чудесным образом очутился вдруг сидящим за собственным столом среди них! Я лежал и думал, чем все это кончится, пока не заснул.

Думая, что проспал семь или восемь часов, в первый раз отдохнув как следует с той ночи, как затонул наш корабль, я проснулся, когда солнце стояло высоко на небе. Мы мирно двигались вперед, делая 4 мили в час.

Выглянув из-за плотных занавесок, я заметил, что мы миновали пояс болот и теперь шли по зеленеющей местности по направлению к куполообразному холму. Потом я взглянул на своих носильщиков. Это были превосходно сложенные, около 6 ф. ростом люди с желтоватым цветом кожи, в общем, очень похожие на сомалийцев Восточной Африки, за исключением волос, которые вились локонами по их плечам. Черты лица у них были правильные и даже красивые, нос орлиный, зубы белые и прекрасные. Но несмотря на их красоту, я никогда не видел более злых физиономий. Холодная жестокость ярко запечатлелась на них.

Была еще одна странная черта, которую я подметил у дикарей: они, казалось, вовсе не умели улыбаться. Иногда они запевали монотонную песню, остальное время молчали, и ни одного раза улыбка не озарила их мрачных и угрюмых лиц. К какой расе принадлежал этот народ? Они говорили на арабском языке, но вовсе не были арабами. Не могу сказать почему, но вид их внушал мне какое-то болезненное ощущение страха. Вскоре я увидел другие носилки рядом с собой. Там сидел, – занавески были подняты, – старик в белой одежде, сделанной, очевидно, из грубого холста – тот, которого называли «Отцом». На вид он был очень стар, с длинной, снежно-белой бородой, концы которой висели по бокам носилок, с крючковатым носом и парой холодных и острых, как у змеи, глаз. В общем, на лице его отражалась глубокая мудрость и даже юмор.

– Ты проснулся, чужеземец? – сказал он низким и глухим голосом.

– Да, отец мой! – отвечал я любезно.

Он погладил свою прекрасную белую бороду и улыбнулся.

– Из какой бы страны ты ни пришел к нам, – произнес он, – но там, наверное, знают наш язык и учат детей вежливости, мой чужеземный сын! Скажи мне, зачем ты и те, что с тобой, пришли к нам, куда не проникала нога чужеземца? Или вам надоела жизнь?

– Мы пришли искать новое и любопытное! – отвечал я смело. – Нам надоело старое. Пришли с моря узнать неведомое, потому что происходим от храброго народа, который не боится смерти, мой уважаемый отец! Но мы желали бы прежде, чем умереть, узнать кое-что!

Старик издал какое-то непонятное восклицание.

– Пожалуй, это правда, если ты не лжешь, мой сын. Во всяком случае, скажу, что «Та, которой повинуются все», исполнит твои желания надлежащим образом!

– Кто это «Та, которой повинуются все»? – спросил я с любопытством.

Старик взглянул на носильщиков и улыбнулся.

От его улыбки вся кровь прилила к моему сердцу.

- Ты скоро узнаешь, мой сын, - произнес он, - если «Она» захочет увидеть тебя во плоти!

- Во плоти? - переспросил я. - Что хочет сказать этим мой отец?

Старик молчал и снова улыбнулся своей ужасной улыбкой.

- Как называется народ моего отца?

- Народ наш называется Амахаггер, или народ Утесов!

- Если сын может спросить тебя, как твое имя, отец мой?

- Мое имя - Биллали!

- Куда же мы идем?

- Скоро узнаешь!

Он сделал знак носильщикам, которые пустились бегом, пока не догнали носилок, в которых сидел Джон (перекинув ногу за ногу сбоку носилок). Затем носильщики Джона быстро нагнали носилки Лео.

Убаюканный ровным качаньем носилок, я снова заснул, потому что чувствовал себя смертельно усталым; проснувшись же, увидел, что мы шли по крутой тропинке, вдоль которой росли прекрасные деревья и цветущие кусты. Тропинка вдруг повернула в сторону, и нашим глазам открылся прелестный вид. Перед нами возвышалась земляная насыпь в виде римского амфитеатра. Края ее были скалисты, заросли кустарником, а центр представлял собой зеленеющий луг с великолепными деревьями и растениями, омываемый журчащими ручьями. На лугу паслись стада рогатого скота, хотя я не заметил между ними баранов. Я не мог даже представить себе, что это за место. Меня поразило в особенности то обстоятельство, что несмотря на пасущиеся стада, я не видел нигде признака человеческого жилья. Где же они жили? Скоро мое любопытство было удовлетворено. Носилки повернули влево и остановились. Видя, что Биллали

вылез из носилок, я последовал его примеру, также поступили Лео и Джон.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Согласно желанию автора я изменил имена.

2

Калликрат (сильный и красивый) – спартанец, упомянутый Геродотом, отличавшийся поразительной красотой и павший в битве при Платее, когда лакедемоняне и афиняне разбили персов. «Этот же Калликрат, о котором упоминает Геродот, был так же храбр, как красив, и похоронен с большой пышностью» (Геродот, IX, 72)

3

Некто-небфа – последний фараон Египта.

4

Скипетр не мог принадлежать Калликрату, как полагает мистер Холли, так как был прерогативой только царской власти в Египте.

5

Около Кильва, на восточном берегу Африки, существует утес, на вершине которого находятся персидские могилы. Ниже обнаружены развалины древних городов, которые существовали много столетий тому назад.

Купить: https://tellnovel.com/ru/haggard_genri-rayder/ona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)